

DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.007

**ТЕМА «ПОЭТА И ПОЭЗИИ»
В ТВОРЧЕСТВЕ К.Л. ХЕТАГУРОВА И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА
(К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА)**

Р.Н. Абисалова

Художественный мир и творческая самобытность выдающегося осетинского поэта, драматурга, публициста, фольклориста, художника Константина Левановича Хетагурова сформировались в значительной степени под влиянием мировой художественной культуры и в первую очередь русской литературы. В стенах ставропольской гимназии для него открылся мир А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, А.Н. Островского и многих других. Осетинский поэт освоил лучшие качества русских поэтов, прозаиков, драматургов, в том числе их способность вступать в творческий диалог с другими литературными, о чем писали русские компаративисты еще в 19 веке. Важность межкультурного диалога в 20 веке подтверждена работами М.М. Бахтина. Для Коста Хетагурова диалогизм стал одной из стилистических особенностей творчества. В статье рассмотрены примеры межкультурного диалога осетинского поэта и М.Ю. Лермонтова в связи с актуальной во все времена темой «поэта и поэзии», широко представленной в творчестве обоих поэтов. Хетагуров использует различные приемы для установления диалога с любимым поэтом, выявляя общие для обоих проблемы – взаимоотношения с народом, конфликта поэта и «толпы», неуверенности в действительности своей поэзии, неспособности ее «исчерпать мысль и тайники души», трагического характера поэзии, обусловленного личным одиночеством. Как для Хетагурова, так и для Лермонтова неуверенность в наличии поэтического дара объясняется критическим отношением к себе, повышенными требованиями в праве называться истинными поэтами. При анализе диалога в стихах Коста и Лермонтова выявляются жанровые, типологические, лексические, стилистические общности.

Ключевые слова: К.Л. Хетагуров, М.Ю. Лермонтов, осетинская литература, русская литература, межкультурный диалог, интертекст, тема поэта и поэзии.

Для цитирования: Абисалова Р.Н. Тема «поэта и поэзии» в творчестве К.Л. Хетагурова и М.Ю. Лермонтова (к проблеме межкультурного диалога) // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 49 (88). С. 96-109. DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.007

Имя Коста тесно связано с именем Лермонтова, потому что Лермонтов был ему близок как поэт, с великим уважением и вниманием относившийся к народам Кавказа... Лермонтова и Коста сближала и общность судьбы. Их сближали ссылки, разлуки с родными местами. Стихи Лермонтова, которые Хетагуров читал, это стихи о его родине, о Дарьяльском ущелье, о Тереке, о Казбеке, которые Коста видел из окна своего дома.

И. Андроников.

Во второй половине XIX века в Осетии сложились благоприятные условия для развития ее духовной культуры. Именно тогда сформировалась вначале

военная, а затем и светская интеллигенция, осетинская молодежь получила доступ к высшему образованию, благодаря энтузиазму первых просветителей открывались школы, гимназии, духовные учебные заведения. Исследования Кавказа русских и зарубежных путешественников и ученых стали толчком к изучению осетинского фольклора, археологии, этнографии, истории. В это плодотворное и благоприятное для развития осетинской культуры время началась творческая деятельность выдающегося осетинского поэта, прозаика, драматурга, публициста, художника, основоположника осетинского литературного языка Константина Левановича Хетагурова. Именно многогранность творческих дарований Коста, как любовно называли и по сей день называют его в Осетии, позволила известному российскому писателю А.А. Фадееву охарактеризовать его как «своего рода Леонардо да Винчи осетинского народа» [1, 4]. Уникальность Коста Хетагурова не только в многообразии таланта, но и в том, что, будучи первым профессиональным поэтом, писателем, публицистом, художником, он оказался лучшим во всех видах творчества, он бесконечен и неисчерпаем, как космос, его можно изучать всю жизнь и каждый раз находить в нем новые грани.

«Начало осетинской литературы стало вместе с тем ее недостижимой вершиной. Минуя ступень примитивов, Коста одним взлетом достиг чистоты, силы и ясности подлинного мастера», – справедливо отметил выдающийся российский ученый В.И. Абаев [2, 545]. Беспорность заслуг Коста Хетагурова как основоположника осетинского литературного языка подтверждается прежде

всего созданием сборника осетинской поэзии «Ирон фæндыр» («Осетинская лира»), признанного непревзойденным образцом национальной осетинской поэзии. Однако при всей его значимости уникальной особенностью творческого наследия Хетагурова является не только безупречное владение русским литературным языком, но и способность создания на нем значительной части произведений, как поэтических, так и прозаических».

Творческий метод, особенности стиля К.Хетагурова сложились во многом под воздействием мировой художественной культуры, в первую очередь русской литературы, к которой он приобщился в стенах владикавказской прогимназии, а затем в ставропольской губернской гимназии, являвшейся в те времена одним из лучших средних учебных заведений Северного Кавказа. Любовь и благодарность к гимназии и педагогам Коста сохранил на всю жизнь, им он посвятил ряд стихотворений, а к 50-летнему юбилею ставропольской гимназии написал восторженное, полное любви к учебному заведению, стихотворение «Воспитанникам ставропольской гимназии»:

...Вас я прошу лишь, как друг неизменный,
Чтите гимназию нашу, как мать, –
Верьте, потом в суете повседневной
Будете часто ее вспоминать... [3, 49].

Прекрасное владение русским языком, плодотворное воздействие русской и зарубежной литературы и искусства, многогранность дарований в различных областях художественного творчества позволили Коста Хетагурову стать «самой большой фигурой своего времени, самым выдающимся талантом, так много сделавшим для развития

родной осетинской литературы. Он может быть справедливо назван основоположником осетинской литературы, создателем осетинского литературного языка». Так оценил роль К.Л. Хетагурова в развитии национальной культуры известный российский поэт Николай Тихонов, считая, что к нему применимы слова великого Генриха Гейне о том, что поэт, «посвятивший себя служению высшей правде», сравним с «благородным рыцарем духа» [4, 21].

Любовь к русской литературе, прежде всего, к творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.Н. Некрасова, А.С. Грибоедова, И.А. Крылова, А.Н. Островского, А.Н. Плещеева, освоение и приятие огромного пласта русской культуры способствовали установлению межкультурного диалога, ставшего одной из идейно-стилистических особенностей творческого метода Коста. Аллюзиями, реминисценциями, цитатами, намеками, отсылками произведения великих русских поэтов вошли в его литературное наследие. Это касается жанровой, типологической, мотивной, мировоззренческой общности, возникшей прежде всего на почве глубокого проникновения в творчество великих русских писателей, поэтов, драматургов, понимания его художественного своеобразия, идейной направленности, образной системы. Справедливы слова В.И. Абаева о роли русской классической литературы в формировании творческого облика К.Л. Хетагурова о том, что у русских классиков «он учился. Без Пушкина, без Лермонтова, без Некрасова Коста был бы невозможен. Это они помогли ему, минуя младенческие ступени литературного развития, сразу выразить сокровеннейшие думы

и чаяния осетинского народа в зрелых и законченных поэтических формах» [2, 545]. Глубинная связь Коста с русским языком и русской культурой проявилась и в двуязычии его творческого наследия. Об этом замечательно сказал академик И.К. Луппол: «...в Осетии говорят и пишут на хетагуровском языке. Но не забудем мы... и того, что другим родным языком для Коста был язык русский. Можно знать язык другого народа. Можно уметь разговаривать, изъясняться на нем, но если писатель создает на другом – не своем языке поэтические произведения, это значит, что этот другой, не свой язык, перестал быть языком чужим и стал родным языком поэта, ибо поэтом можно быть только на родном языке. Не забудем же того, что Коста писал стихи, в совершенстве владея тайнами версификации и на русском языке. Значит, он был столько же осетинским, сколько и русским поэтом» [5, 10-11].

Формируясь как осетинский национальный поэт, писатель, публицист, Коста никогда не чувствовал себя изолированным от мировой, в первую очередь русской, культуры. Русская литература стала неотъемлемой частью его художественного сознания, способствовала формированию творческого метода осетинского поэта. Эта тесная, плодотворная и неразрывная внутренняя связь творчества Коста Хетагурова с произведениями русских писателей и поэтов позволяет вспомнить слова выдающегося лингвиста и литературоведа М.М. Бахтина о том, что «внутренней территории у культурной области нет: ...систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле

ее». Нельзя не согласиться с утверждением автора о том, что любой культурный творческий акт всегда имеет дело «с чем-то уже оцененным и как-то упорядоченным, по отношению к чему он должен ответственно занять свою ценностную позицию...» [6, 44]. Более того, любое художественное произведение, в том числе литературное, отражает действительность, уже кем-то оцененную и обработанную в каком-либо другом художественном произведении. Результатом этой оценки и обработки может стать общность или только схожесть – сюжетная, типологическая, идейно-образная, стилистическая и т.д. Бахтин справедливо утверждает, что как в познавательном, так и в художественном акте, нет «ничьей вещи», «...он живет и движется не в пустоте, а в напряженной ценностной атмосфере ответственного взаимоотношения...», произведение «живо и художественно значимо в напряженном и активном взаимоотношении с опознанной и поступками оцененной действительностью» [6, 45]. Под художественно значимой и поступками оцененной действительностью М.М. Бахтин подразумевает действительность, оцененную и изображенную в предыдущих художественных произведениях, в том числе литературных. Известный исследователь литературы И.О. Шайтанов, анализируя «триаду современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур», указывает на «путь обновления компаративного исследования», достаточно известный «в связи с понятием диалога, утвержденного в России работами М. Бахтина».

Немаловажным представляется напоминание И. Шайтанова о том, что «в

самом характере русской культуры, в силу своей истории вынужденной издавна определять свою особенность в отношении других культур и, более того, с первых шагов научной рефлексии поставить вопрос о продуктивности взаимодействия «своего» и «чужого» [7, 136]. Нельзя не вспомнить о литературном диалогизме, отмеченном еще до работ Бахтина в трудах русских компаративистов, братьев Веселовских в последней трети XIX в. Так, Алексей Николаевич Веселовский в лапидарной, но емкой работе «Пушкин и европейская поэзия» защищает А.С. Пушкина от обвинения в чрезмерном влиянии на формирование поэтического облика русского поэта западной литературы. Автор тщательно исследует проблему освоения Пушкиным лучших образцов мировой литературы и доказывает, что пушкинская поэзия – убедительный пример «всемирного круговорота идей, образов, замыслов, форм... Для сильного таланта, у которого есть что добавить к усвоенному извне, это усвоение – прекрасная школа самостоятельности» [8, 524]. Веселовский называет Пушкина «достойным гражданином «республики словесности», которому ничто не чуждо, который не знает преград расы, страны, культуры, времени и ...умеет ценить добро всюду, где его ни встретит» [8, 524]. Заключает работу российского ученого значимая мысль о том, что Пушкин, «войдя первым из русских писателей в круг европейских деятелей слова, завещал последующей литературе соревнование с творчеством других племен, участие в мировой жизни поэзии, как одно из важнейших условий прогресса» [8, 547].

Лермонтов, как преемник Пушкина, на протяжении недолгой, но пло-

дотворной творческой жизни продолжает пушкинскую традицию освоения огромного пласта мировой литературы и фольклора, которые стали неотъемлемой частью его поэзии и прозы.

Именно идеи «всемирного круговорота идей и образов» Веселовского, общности художественного поля, о котором он говорит, а также идеи культурного диалогизма Бахтина позволяют обнаружить и продемонстрировать межкультурный диалог, который, преодолевая временную и национальную преграды, устанавливается в творчестве К.Л. Хетагурова с великими русскими поэтами XIX века. Некоторым из них – А.С. Грибоедову, А.Н. Островскому, А.Н. Плещееву – посвящены стихотворения Коста. Два стихотворения он посвятил особенно им любимому М.Ю. Лермонтову – «Памяти М.Ю.Лермонтова» и «Перед памятником». Стихотворение «Перед памятником» – первое из двух, оно написано в связи с открытием в 1889 г. памятника Лермонтову в Пятигорске. Сергей Михалков, чья литературная деятельность началась в Пятигорске, писал: «Проходя мимо памятника Михаилу Юрьевичу Лермонтову, нельзя не вспомнить вдохновенное выступление Коста Хетагурова на открытии памятника 16 августа 1889 г. Обращаясь к гению русской поэзии, он говорил: «Великий, торжествующий гений! Подрастающее поколение моей родины приветствует тебя как друга и учителя, как путеводную звезду, в новом своем движении к храму искусств, наук и просвещения...» [4, 92]. В этом стихотворении звучит страстный призыв к своей родине возлюбить великого русского поэта так, «как изгнанник-поэт/ Возлюбил твои мрачные скалы, / И

почти, как святыню предсмертный привет/ Юной жертвы интриг и опалы». У Хетагурова нет стихотворений, посвященных Пушкину и Некрасову, но и их творчество сыграло весомую роль в формировании мировоззрения и творческого своеобразия осетинского поэта. Влияние русской литературы на его произведения обусловило творческий диалог, который прослеживается при анализе интертекстуальных связей осетинского и многих русских поэтов. Однако это невозможно сделать в рамках одной статьи. И поэзия, и проза Коста дает немало оснований для раскрытия этой проблемы, т.к. нет ни одной темы, ни одного мотива, в которых не прослеживается интертекстуальный диалог с великим русским поэтом. Поэтому целью настоящей работы стал анализ интертекстуальных связей как средства создания культурного диалога в поэзии К.Л. Хетагурова и М.Ю. Лермонтова. Для сопоставления выбрана одна из основополагающих тем в мировой литературы, обозначенная в литературе как «тема поэта и поэзии». Именно в ней наиболее явно прослеживается диалог, обоснованный К. Хетагуровым в стихах, отражающих раздумья осетинского поэта о роли личности поэта, о его месте в обществе, о взаимоотношениях с властью, о личной свободе, о способности своим творчеством воздействовать на умы соотечественников, внушать им гуманистические и просветительские идеи.

В отрывке, представленном в качестве эпиграфа к статье, прозвучала мысль одного из известных исследователей творчества М.Ю. Лермонтова о том, что Коста и Лермонтова сближали ссылки и разлуки с родными местами.

С этим нельзя не согласиться, однако это не единственная точка соприкосновения двух поэтов, общими для них были такие человеческие и творческие черты, как гуманизм, романтическая устремленность к лучшему миру, любовь к родине, мечты о свободе для всего человечества, любовь к фольклору, понимание особой роли поэта в обществе. Их творчество одновременно направлено ко всему человечеству и в то же время глубоко интимно и рефлексивно. Кроме того, их поэзию роднит экзистенциальное одиночество, причина которого, кроме прочего, кроется в раннем сиротстве и не сложившейся семейной жизни. Хетагурова так же, как и Лермонтова, отличала многогранность дарований – он не только поэт, но прозаик, драматург, публицист, журналист, этнограф, знаток фольклора и профессиональный художник.

Кавказ в силу своей исключительности, выраженной в характерах горских народов, их быте, мировоззрении и, конечно же, в необычной для равнинных народов природе, особенно привлекал русских поэтов, писателей, художников, которые в первой половине XIX века видели в нем воплощение романтической экзотики.

Кавказская тема отразилась в творчестве многих русских писателей и поэтов XIX века, но подлинным певцом Кавказа и кавказских горцев стал Пушкин. Именно он передал эстафету поэтического и прозаического воплощения кавказской темы юному поэту Лермонтову, у которого интерес к Кавказу не стал только данью модному у предромантиков и романтиков ориентализму и экзотике. Любовь к этому суровому и прекрасному краю, его природе, отча-

янным, свободолюбивым горцам, интерес к их быту, обычаям, фольклору зародились в нем в детстве, во время первого посещения Кавказа. Столь непохожая на привычную российскую, природа горного края потрясла юную душу будущего великого поэта, навсегда вошла в его творчество, как в поэзию, так и в прозу. В одном из ранних стихотворений (1830 г.) русский поэт уже признается в любви к Кавказу:

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ... [9, 36].

Это раннее стихотворение – лишь одно из многих, свидетельствующих об особом отношении великого русского поэта к Кавказу и его обитателям. Оно особенно трогательно соотносится с темой раннего сиротства и образом матери, столь характерных для лирики Коста Хетагурова:

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ... [9, 36].

Об отношении Лермонтова к Кавказу, об особой к нему привязанности лучше В.Г. Белинского, пожалуй, никто и не сказал: «Г-н Лермонтов знаком с Кавказом не понаслышке, любит его со всею страстию и смотрит на него не с экзальтациею, которая видит во всем только одну внешность и выражает восторг криком, но с тем сосредоточенным чувством, которое проникает в сущность и глубину предмета, которое владеет своим восторгом и передает его в стройных, гармонических и про-

стных, но типических образах» [10, 174]. Важной представляется мысль русского критика о том, что интерес к Кавказу, любовь к нему и к его обитателям стала мощным источником его великого творчества:

«Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу, Кавказ был колыбелью его поэзии, так же, как он был колыбелью поэзии Пушкина, и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов [10, 175].

Творчество Лермонтова особо любимо Коста Хетагуровым, и эта любовь, помимо прочих причин, вызвана общностью представлений о месте и роли поэта в социуме, о радостях и тяготах поэтического труда, о способности быть понимаемым и востребованным народом не только в настоящем, но и в будущем. Эта проблема – одна из древнейших в литературоведении, отчетливо прозвучавшая уже в античном обществе. В качестве подтверждения этой мысли можно назвать «Памятник» Пушкина, который отсылает читателя к одноименному стихотворению римского поэта Горация. Для русской литературы эта тема стала особенно актуальной в первой половине XIX века, не теряя значимости во все последующие эпохи. Не умаляя роли предшественников Пушкина, можно с уверенностью сказать, что пушкинские «Поэт» и «Пророк» положили начало активному диалогу на тему, обозначенную в истории литературы как тема «поэта и поэзии». Пушкинский поэт, даже осененный «божественным глаголом», все еще

«людской чуждается молвы» и бежит «на берега пустынных волн, в широкошумные дубравы» [11, 30]. А его пророк томился «духовной жаждою» в мрачной пустыне до явления «шестикрылого серафима» и до воззвания гласа божьего:

Встань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнишь волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей»

[11, 13].

Этот призыв стал главной формулой поэтической миссии для всех последующих поколений русских поэтов.

Диалог подхватили Лермонтов, Плещеев, Некрасов, а с ними и за ними многие другие русские и не только русские поэты.

Смелая мысль Пушкина о пророческой сущности поэта, глашатая и носителя идейной поэзии, заявленная в его стихах, оказалась близкой прежде всего Лермонтову, о чем свидетельствуют его стихи с теми же названиями. Однако лермонтовский поэт-пророк уже не идентичен пушкинскому, хотя так же презираем толпой и вынужден скрываться в пустыне, но «вечный судия» уже дал ему «всеведение пророка» и способность «провозглашать ... любви и правды чистые ученья», хотя чернь не верит его увереньям в том, «что бог гласит его устами» [9, 224]. Академик И.К. Луполл видит причину этого различия в том, что «...конкретный образ поэта, его жизненный подвиг, его практическая деятельность, наконец его судьба изменялись в истории русской поэзии – при всей объективной обусловленности и закономерности этих изменений – от десятилетия к десятилетию, от одного поэта-мыслителя к другому

поэту-мыслителю» [5, 11]. Поэт-пророк Лермонтова подхватывает творческую эстафету Пушкина, уже вооруженный сформулированной «солнцем русской поэзии» главной целью поэтического творчества, но будучи непонятым толпой, чуждой его чистому ученью «любви и правды», вынужден бежать в пустыню, в которой пребывал пушкинский пророк. «Разрыв между поэтом и официальным обществом, обозначившийся у Пушкина, углубился до непроходимой пропасти у Лермонтова» [5, 12]. В середине XIX века русские поэты продолжили развивать тему поэта и поэзии. Верный заветам Пушкина и Лермонтова, Плещеев смело призывает «жрецов греха и лжи» карать «глаголом истины», при этом лермонтовское «ученье любви и правды» обращено не к избранным, а ко всем:

Провозглашать любви ученье
Мы будем нищим, богачам,
И за него снесем гоненье,
Простив озлобленным врагам [12, 60].

В стихотворении Коста, названном по первой строчке «Я не пророк...» отчетливо звучит подтверждение мысли Плещеева о направленности его поэзии всему миру:

Везде для всех я песнь свою слагаю,
Везде разврат открыто я корю,
И грудью грудь насилия встречаю,
И смело всем о правде говорю... [3, 130].

В стихах Плещеева гармонично сочетаются лиризм и гражданственность, не чуждые Коста, поэтические интенции Плещеева близки ему, не случайно стихотворение Хетагурова «Памяти А.Н.Плещеева», созданное по образцу «Смерти поэта» М.Ю. Лермонтова [3, 107]. В нем также слышна пушкинская

мысль о бессмертии поэта, звучащая в «Памятнике». Не менее близка Коста Хетагурову концепция поэта А.Н.Некрасова – он не столько пророк, сколько поэт-обличитель, в противоположность его же «незлобивому поэту», проповедующий любовь «враждебным словом отрицанья»:

...Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений....
...Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой... [13, 65].

Стихотворения «Я не поэт» и «Я не пророк» стали знаковыми для межкультурного диалога, установленного осетинским поэтом Коста Хетагуровым. В самих названиях обоих стихотворений очевидна интертекстуальная связь, несмотря на антитезу, обозначенную отрицанием его причастности к семье поэтов и тем более пророков. Напротив, это подтверждение понимания ответственности, ставшей определяющей для художника, представляющего свой народ, выражая его горе и радость, мечты и страдания. В условиях последней трети 19 века поэт уже не может бежать в пустыню, т.е. изолировать себя от своих соотечественников:

Я не пророк... В безлюдную пустыню
Я не бегу от клеветы и зла...
Разрушить храм, попать мою святыню
Толпа при всем безумье не могла [3, 130].

Именно у классиков русской литературы – Пушкина, Лермонтова, Некрасова – Коста Хетагуров заимствует дефиницию понятий «народ» и «толпа». «Толпа» на поэтическом языке XIX

века, так же, как и «чернь», вовсе не означала народа, напротив, это – светская чернь, это «благовоспитанное» общество, погрязшее в физическом и духовном чревоугодии, возведшее чистоган в единственный свой принцип и в самодовольной сытости попирающее человеческое достоинство других». Коста, прочными узами связанный с народом, подчинивший ему свой талант, никогда не был зависим от толпы, «не нуждался в фарисейской филантропии сильных мира сего, ему не нужна лицемерная участливость друзей из этой толпы:

Я не ишу у сильных состраданья,
Не дорожу участием друзей» [5, 17].

На протяжении всей творческой жизни Коста Хетагуров размышлял о роли и назначении поэта в жизни народа, о его отношении к власти имущим, о тех жертвах, которые он, как выразитель народных чаяний, готов принести во имя свободы и счастья людей:

Я счастья не знал, но я готов свободу,
Которой я привык, как счастьем, дорожить,
Отдать за шаг один, который бы народу
Я мог когда-нибудь к свободе проложить
[3, 201].

«Я не поэт», «Я не пророк» – заявляет Коста в названиях своих стихотворений, но это не отрицание лермонтовского понимания пророческой миссии поэта, это скорее подтверждение этой мысли, но уже с осознанием того, что в условиях нового времени поэт не имеет права посыпать «пеплом главу» и «бежать из городов», его миссия – быть с народом и защищать его право на счастливую жизнь. Несмотря на антитезу, заявленную Хетагуровым в первой строке стихотворения «Я не пророк...», обнаруживается целый ряд мыслей, со-

относимых с размышлениями Лермонтова о своем поэтическом кредо, о взаимоотношениях с «чернью» и «толпой».

Горькая мысль о слабости поэтического дарования, непричастности к истинным поэтам нередко посещала Коста в минуты отчаяния и сомнения. Так, в стихотворении «Исповедь» он признается:

Я часто рифмами играл,
Не будучи поэтом... [11, 210].

Подобные сомнения посещали не только Коста, они были знакомы многим, даже знаменитым, поэтам, что было следствием повышенных требований к себе, чувством ответственности перед теми, кому были адресовано их творчество.

Строки «Исповеди» Коста коррелируются с лермонтовскими сомнениями в своем поэтическом даре:

Нет, не похож я на поэта!
Я обманулся, вижу сам;
Пускай, как он, я чужд для света,
Но чужд зато и небесам! [9, 140].

В русскоязычных стихах Коста неоднократно звучат размышления о роли поэта в социуме, о действительности его «надтреснутой лиры», о неспособности в поэзии «исчерпать мысль и тайники души», об эфемерности славы. Эти мысли перекликаются с обращением к поэтам А.С. Пушкина:

Поэт! Не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы
холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм
[11, 103].

Сомнения в способности «холодной толпы» понять и оценить творческие

сентенции поэта нашли отражение в творчестве Лермонтова, Некрасова, многих других русских и не только русских поэтов. Мучительные размышления на эту тему были знакомы и Хетагурову, так, в стихотворении «Поэту» автор с горечью признается в невозможности донести до обывателя потаенные мечты, боль и страдания:

Немую скорбь, беспомощные слезы
В созвучье слов не распознает свет,
Твои мечты – для нас пустые грезы,
Твоя печаль – больной, безумный бред...
[3, 105].

Эти строки Коста аллюзивно отсылают к стихотворению Лермонтова «Не верь себе», где отчетливо слышна общность горьких мыслей, мучительно рожденных в минуты отчаяния и неверия в силу воздействия собственного поэтического дара на ненавистный ему «свет», который в данном контексте синонимичен «толпе» и «черни» Лермонтова:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно – тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье...
... Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной
И гнев душевных ран надменно выставлять
На диво черни простодушной ... [9, 176].

Эмоциональное обращение своего кумира к «молодому мечтателю», выставляющему собственные душевные раны «на диво черни простодушной», не могло не найти отклик в душе осетинского поэта, и этим откликом стало стихотворение «Поэту-мечтателю». В нем обращенность Лермонтова к молодому мечтателю стала названием стихотворения, что явственно под-

тверждает диалог, в который вступает осетинский поэт, преодолевая временные и национальные различия:

Оставь, поэт! – напрасно не зови
Нас за собой, не трать на нас стихов, –
Мы созданы не для святой любви,
А для безделья и пиров...

В финале этого стихотворения звучат мучительные сомнения в том, нужна ли народу та свобода, о которой мечтает и которую воспекает поэт в своих стихах:

Лишь потому, что вымысел «свобода»
Рифмуется с «народом», ты готов
На нем создать и счастье для народа,
А сам-то он – гнушается ль оков?!.. [3, 205].

Горькое осознание равнодушия толпы, вполне довольной жизнью и безразличной к мечтам о счастье для народа, делает стихотворение Коста глубоко пессимистичным, в нем он не только сомневается в возможности воздействия поэтического слова на обывателя, но даже один из главных концептов своей поэзии – «свободу» – называет «вымыслом». Оно созвучно уже упоминаемому стихотворению Лермонтова «Не верь себе», в котором он, обращаясь к юному собрату по перу, указывает ему на безразличие к волнениям и страданиям поэта толпы, вполне довольной своей безрадостной жизнью:

Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след
забот,
Слезы не встретишь неприличной...
[9, 177].

В поэтических размышлениях Коста Хетагурова о месте поэта в социуме, об актуальности его творчества, его сомнения и страхи, порожденные неу-

веренностью в возможности донести до толпы свои мысли, страдания и волнения вполне сопоставимы со стихами великого русского поэта М.Ю. Лермонтова, в которых нашли отражение соответствующие проблемы, объединенные темой «поэт и толпа».

Коста не подражает Лермонтову, возможность сопоставления их стихов на соответствующие темы – лишь отражение общности реакции на современную им действительность, на состояние общественной мысли, на место поэта в обществе. Трагическое восприятие реалий современной жизни, сомнения в возможности влияния на ту часть общества, которую оба поэта характеризуют как «чернь» и толпа», порождены не только внешними факторами, но и личным одиночеством, конфликтами с властями, ранним сиротством, вынужденным скитальчеством. Эту мысль можно подтвердить словами Л.П. Семенова, известного исследователя русской литературы и творчества Лермонтова: «Затрагивая темы, родственные лермонтовским, Коста никогда не превращался в подражателя; он развивал тот или иной мотив по-своему, внося новые оттенки, локальные образы» [14, 38]. В стихах Коста Хетагурова, передающих трагическое мироощущение, экзистенциальное одиночество, страдания, глубокую печаль, нередко слышны отзвуки поэтических строк Лермонтова, но это лишь отзвуки, возникшие вследствие общности мучительной рефлексии обоих поэтов. В стихотворении «А.Г.Б.» Коста пишет:

Не хочу я теперь поверять, милый друг,
Ничего равнодушному миру, –
Обличит мои думы тяжелый недуг
И заставит рыдать мою лиру... [3, 54].

Эти строки созвучны лермонтовским:

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь бог да совесть!.. [9, 163].

Коста находит новые оттенки для передачи общего для обоих поэтов нежелания доверять равнодушной толпе сокровенные мысли.

Одна из особенностей поэтического творчества Коста Хетагурова, которая сближает его с Лермонтовым, – репрезентация своих стихов как песен, что является результатом общего для обоих поэтов синкретизма, обусловленного глубинной связью их творчества с фольклором, музыкой, средневековой рыцарской поэзией. Знаменателен тот факт, что русский поэт впервые познакомился с фольклором в раннем детстве, во время первого приезда на Кавказ. Об этом пишет один из лучших исследователей жизни и творчества М.Ю. Лермонтова И.Л. Андроников: «В раннем детстве услышал Лермонтов в гребенских станицах старинные казачьи песни, и, восприняв эту живую историю народа вместе с первыми представлениями об окружающей жизни, сроднившись с ними, он потом с какою-то непостижимой легкостью воспринял не только обаяние стиля, но и самый дух их» [15, 251]. Осетинский фольклор, народные песни, сказания в исполнении певцов-сказителей так же с детства вошли в жизнь Коста, стали неотъемлемой частью его творческого сознания. Не случайно одним из любимых героев его поэзии был легендарный певец-музыкант Кубады. Стихи-песни осетинского поэта нередко окрашены печалью, в них рассказывается о жиз-

ненных тяготах простого народа:
 ...Вот почему мои песни звучали
 Многим, как звон поминального дня...
 Кто не изведал борьбы и печали,
 Тот за других не страдает, любя!

– признается Коста [3, 7].

В этом признании слышен диалог с кумиром М.Ю. Лермонтовым, обусловленный общностью трагического восприятия жизненных невзгод:

...Пора, пора насмешкам света
 Прогнать спокойствия туман;
 Что без страданий жизнь поэта?
 И что без бури океан?.. [9, 135].

Не менее очевидно созвучие стихотворения Хетагурова «Я не поэт» стихотворению Лермонтова «К*»:

Печаль в моих песнях, но что за нужда?
 Тебе не внимать им, мой друг, никогда...
 [9, 137].

В статье предпринята попытка проанализировать одну из главных тем в творчестве первого профессионального поэта, публициста, драматурга, ху-

дожника К.Л. Хетагурова и великого русского поэта М.Ю. Лермонтова – тему «поэта и поэзии». Лермонтов – один из любимых поэтов Коста, их сближали любовь к Кавказу, сострадание к народу, мечты о свободе, личное одиночество, вынужденное скитальчество и многое другое.

Коста Хетагуров, воспитанный на лучших образцах русской литературы, усваивает одну из ее характерных особенностей – интерес к мировой художественной культуре, способность творчески осваивать ее лучшие образцы и на национальной почве трансформировать их в самобытные поэтические и прозаические произведения. Именно это свойство легло в основу межкультурного диалога на основе интертекстуальности с великими русскими поэтами и писателями, в первую очередь с М.Ю. Лермонтовым, что стало одной из стилистических особенностей творческого метода Коста Хетагурова.

1. *Фадеев А.А.* Братство народов // Коста Хетагуров: Сборник памяти великого осетинского поэта / Под ред. А.А. Фадеева. М.: Гослитиздат, 1941. С. 3-8.

2. *Абаев В.И.* Избранные труды. В 4-х т. Владикавказ: Ир, 1990. Т. 1. Религия. Фольклор. Литература. 638 с.

3. *Хетагуров К.Л.* Полное собрание сочинений в пяти томах. Владикавказ: СОИГСИ, 1999. Т. 2. 402 с.

4. *Тихонов Н.* О Коста Хетагурове // Сборник статей. К 160-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова. Владикавказ: СОГУ, 2019. С. 19-33.

5. *Луппол И.К.* Коста Хетагуров и русская литература // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. К столетию со дня рождения Константина Левановича Хетагурова. 1959. Т. XXI. Вып. III (Литература). С.10-11.

6. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.

7. *Шайтанов И.О.* Триада современной компаративистики: глобализация – интертекст – диалог культур // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 130-137.

8. Веселовский А.Н. Этюды и характеристики. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К, 1903. 680 с.
9. Лермонтов М.Ю. Сочинения. М.: Правда, 1988. Т. 1. 719 с.
10. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений в 11 томах. Изд-во АН СССР, 1953. Т. 4. 673 с.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.: Правда, 1954. Т.2. 559 с.
12. Плещеев А.Н. Стихотворения. М.: Советский писатель, 1948. 335 с.
13. Некрасов А.Н. Полное собрание сочинений и писем. М.: Гослитиздат, 1948. Т. 1. 647 с.
14. Семенов Л.П. Избранное. Статьи об осетинской литературе. Орджоникидзе: Сев.-Осет. кн. изд-во, 1964. 420 с.
15. Андроников И.Л. Лермонтов. М.: Советский писатель, 1951. 317 с.

Abisalova, Raisa N. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); raisa-abisalova@yandex.ru

THE THEME OF “POET AND POETRY” IN THE WORKS OF K.L. KHETAGUROV AND M.YU. LERMONTOV (TO THE PROBLEM OF INTERCULTURAL DIALOGUE).

Keywords: K.L. Khetagurov, M.Yu. Lermontov, Ossetian literature, Russian literature, intercultural dialogue, intertext, theme of “poet and poetry”.

The artistic world and creative identity of the outstanding Ossetian poet, playwright, publicist, folklorist, and artist Konstantin Levanovich Khetagurov were formed largely under the influence of world artistic culture and primarily Russian literature. The world of A.S. Pushkin, M. Yu. Lermontov, A.S. Griboyedov, A.N. Ostrovsky and many others opened up for him within the walls of the Stavropol gymnasium. The Ossetian poet mastered the best qualities of Russian poets, prose writers, and playwrights, including their ability to enter into a creative dialogue with other literatures, which Russian comparativists wrote about back in the 19th century. The works of M.M. Bakhtin confirm the importance of intercultural dialogue in the 20th century. For Kosta Khetagurov dialogism has become one of the stylistic features of creativity. The article examines examples of intercultural dialogue between the Ossetian poet and M. Yu. Lermontov in connection with the theme of “poet and poetry”, which is relevant at all times, and is widely represented in the works of both poets. Khetagurov uses various techniques to establish a dialogue with his favorite poet, identifying problems common to both - relationships with the people, the conflict between the poet and the “crowd”, uncertainty about the effectiveness of his poetry, his inability to “exhaust the thought and secrets of the soul”, the tragic nature of poetry, due to personal loneliness. For both Khetagurov and Lermontov, uncertainty about the presence of a poetic gift is explained by a critical attitude towards oneself, increased demands for the right to be called true poets. When analyzing the dialogue in the poems of Costa and Lermontov, genre, typological, lexical, and stylistic commonalities are revealed.

For citation: Abisalova, R.N. The theme of “poet and poetry” in the works of K.L. Khetagurov and M.Yu. Lermontov (to the problem of intercultural dialogue) // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 49 (88). Pp. 96-109. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.88.49.007

References

1. Fadeev, A.A. *Bratstvo narodov* [Brotherhood of Peoples]. *Kosta Khetagurov: Sbornik pamyati velikogo osetinskogo poeta* [Collection in memory of the great Ossetian poet]. Moscow, Goslitizdat, 1941, pp. 3-8.
2. Abaev, V.I. *Religiya. Fol'klor. Literatura* [Religion. Folklore. Literature]. *Izbrannye Trudy V 4-kh t.* [Selected works. In 4 vols]. Vladikavkaz, Ir, 1990, vol. 1. 638 p.
3. Khetagurov, K.L. *Polnoe sobranie sochinenii v pyati tomakh* [Collected works. In 5 vols]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 1999, vol. 2. 402 p.
4. Tikhonov, N. *O Kosta Khetagurove* [About Kosta Khetagurov]. *Sbornik statei. K 160-letiyu so dnya rozhdeniya K.L. Khetagurova* [Collection of articles. On the 160th anniversary of the birth of K.L. Khetagurova]. Vladikavkaz, North Ossetian State University, 2019, pp. 19-33.
5. Luppol, I.K. *Kosta Khetagurov i russkaya literatura* [Kosta Khetagurov and Russian literature]. *Izvestiya Severo-Osetinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. K stoletiyu so dnya rozhdeniya Konstantina Levanovicha Khetagurova* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute. To the centenary of the birth of Konstantin Levanovich Khetagurov]. 1959, vol. XXI, iss. III (Literature), pp. 10-11.
6. Bakhtin, M.M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1986. 541 p.
7. Shaitanov, I.O. *Triada sovremennoi komparativistiki: globalizatsiya – intertekst – dialog kul'tur* [The triad of modern comparative studies: globalization – intertext – dialogue of cultures]. *Voprosy literatury* [Issues of literature]. 2005, no. 6, pp. 130-137.
8. Veselovsky, A.N. *Etyudy i kharakteristiki* [Etudes and characteristics]. Moscow, Tipo-lit. A.V. Vasil'eva i K, 1903. 680 p.
9. Lermontov, M.Yu. *Sochineniya* [Works]. Moscow, Pravda, 1988, vol. 1. 719 p.
10. Belinsky, V.G. *Polnoe sobranie sochinenii v 11 tomakh* [Complete works in 11 volumes]. Moscow, USSR Academy of sciences, 1953, vol. 4. 673 p.
11. Pushkin, A.S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete collection of works]. Moscow, Pravda, 1954. Vol. 2. 559 p.
12. Pleshcheev, A.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1948. 335 p.
13. Nekrasov, A.N. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete collection of works and letters]. Moscow, Goslitizdat, 1948, vol. 1. 647 p.
14. Semenov, L.P. *Izbrannoe. Stat'i ob osetinskoi literature* [Selected works. Articles about Ossetian literature]. Ordzhonikidze, Sev.-Oset. kn. izd-vo, 1964. 420 p.
15. Andronikov, I.L. *Lermontov* [Lermontov]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1951. 317 p.